Глава 86

Серьезность этой проблемы могла сильно различаться. Это не было проблемой, когда никто не обращал на нее внимания. Однако, если бы Амон упорствовал в том, чтобы об этом заговорили, наверняка были бы последствия, потому что речь шла о божествах. Если бы новая Адоратрица хотела показать им пример, чтобы показать свою власть, то такие вещи были бы лучшим оправданием.

Павара почувствовал себя неуютно. Он встал и потянул рукав Амона: «Дорогой инспектор, я искренне прошу прощения. Пожалуйста, не относитесь к этому серьезно. Мы сделаем все, что вы попросите».

Амон улыбнулся и пожал ему руку: «Пожалуйста, сядь. На самом деле мне не о чем просить. Вы преданы своему долгу, и я не хочу делать проблему из ничего. Но я надеюсь, что к моим соотечественникам можно будет относиться более почтительно».

Главный менеджер шахты слегка вздохнул с облегчением. Он поставил Хардедефа на место. Они сели и предложили тост Амону, обещая: «Пожалуйста, будьте уверены, что мы будем заботиться о шахтерах настолько, насколько можем. Они действительно важная часть шахты горы Хориб. Мы должны относиться к ним с уважением».

Амон продолжал: «Сегодня я был ранен, поэтому мне нужно отдохнуть в ближайшие дни. Поскольку мне дали месяц, чтобы провести осмотр, есть еще много времени. В ближайшие дни я хотел бы увидеть некоторых людей из моих кланов. Я хочу знать, что они пережили после наводнения и как они закончили добычу здесь. Это будет неудобно для вас?»

«Нет, конечно нет! Пока вы не забираете их с горы Хориб, вы можете делать все, что захотите».

……

Пришла ночь. В спальне наверху, читая документы об искусстве войны, как обычно, Амон задумчиво выглянул из окна. Это была безоблачная полнолунная ночь. Серебряная луна сияла высоко в небе. Гора Хорив молча лежала под лунным светом. Под ногами горы стоял намек на живость. Это был аромат дыма из печи, как давно в Дюке ...

Амон ждал. Когда лунный свет дошел до его постели, слуга громко сказал внизу: «Мистер Амон, у вас есть посетитель!»

Хозяин улыбнулся и позвал: «Это главный Хардедеф? Пожалуйста, заходите. Я ждал вас».

Это был действительно Хардедеф. Сначала он извинился за то, что беспокоило инспектора так поздно ночью. Амон рассмеялся: «Это должно быть что-то важное, что заставляет тебя прийти ко мне в этот час. Пожалуйста, давайте поговорим прямо».

«Во-первых, я должен поблагодарить вас за то, что вы не навредили мне во время поединка и простили мою ошибку. Мне так жаль, но тогда я просто не мог себя контролировать. Я был в ужасном состоянии, и я не мог выйти из этого».

Амон кивнул: «Я тоже это вижу. Теперь вы полностью отличаетесь от сегодняшнего дня. Если бы вы все время были раздражительны, вы бы не достигли шестого уровня. Это то, что вас беспокоит, и почему вы пришли ко мне сегодня вечером?»

Главный охранник уставился на него: «Вы потрясающий, мистер Амон! Именно поэтому я здесь. Вы правы. Я всегда ощущал такое принуждение во мне. Иногда это сводит меня с ума. Я не могу придумать ничего, кроме как выразить это. Я пытался контролировать это, но часто терпел неудачу. Говоря об этом, я еще не рассказал вам о моей истории».

Хардедеф родился в большой, прославленной семье в Мемфисе. Его старший дядя был канцлером, отвечающим за сельское хозяйство и животноводство Империи. В возрасте шестнадцати лет его привели в храм Исиды для пробуждения власти. Он пробудил силу родословной и, следовательно, стал воином. Впоследствии он учился боевым искусствам у лучших преподавателей в Империи.

Однако он всегда сожалел о том, что не может стать магом. Он всегда спрашивал себя: было ли это потому, что его ненавидели боги? Почему боги не дадут благородного духа? Его дед был верховным магом, почетным первосвященником храма Исиды, которым гордился Хардедеф.

Убедив себя принять реальность, он поклялся быть лучшим воином. Но все еще была проблема. С тех пор, как он пробудил силу родословной, он стал импульсивным. Чем больше он продвигался в боевых искусствах, тем хуже был у него характер. Он часто злился на тривиальные вещи, о которых потом сожалел. Он просто не мог контролировать свою ярость!

Два года назад он разозлился в борделе в Мемфисе и ранил одного из своих коллег и владельца борделя из-за девушки. После того, как он вернулся домой, он все еще был в ярости и случайно ранил свою жену. Его супруга, которая приехала из другой большой дворянской семьи в Мемфис, ушла из дома с возмущением и вернулась в дом своих родителей. Этот скандал разрушил репутацию семьи Хардедефа, поэтому он был наказан. Его дед оказал некоторое влияние на фараона, и он оказался главным охранником на горе Хориб. Его семья надеялась, что строгость окружающей среды может смягчить его грубый характер.

Хардедеф свободно признал, что он был подавлен на горе Хориб. Жесткая жизнь здесь только сделала его более отчаянным. Молитва богам не давало ему настоящего покоя. У него было уже плохое настроение, когда он услышал, что новый инспектор не был даже благородным, и когда он увидел, как шахтер испортил руду сегодня днем, он впал в ярость, потерял контроль и вынул свой кнут.

Это был не первый случай для него, и даже его солдаты стали жертвой его кнута. Казалось, что порка людей может облегчить его бурный характер, но это также означало, что в следующий раз будет сложнее контролировать его ярость.

Наконец Хардедеф сказал: «Сегодня днем, когда ваш молоток ударился мне в колено, произошла странная ударная волна, которая развела мою силу, а также ярость в моем сознании. Я сразу успокоился. В то время вы также злились, но вам удалось полностью контролировать свои силы, даже не причинив мне вреда».

«Это была техника шахтеров Дюка? Как она контролирует свою силу? Жители Дюка могут разрушить руду до пыли, оставив неповрежденный парангон. Должны быть какие-то секреты. Но я никогда не думал, что это сработает для меня. Вот почему я здесь. Я хочу знать, есть ли способ помочь мне?»

Амон нахмурился. Он вспомнил, что у него были такие же чувства. Это было время, когда он только что пробудил силу двух сторон в Дюке. Он помнил, что у него было желание победить всех, кого он встретил в городе. Но как только он прошел первый тест, чувство исчезло.

Дело Хардедефа было другим. Напряжение оставалось у него в голове. Оно было подавлено, но

не исчезло. По мере того, как родовая сила возрастала, стремление наброситься также увеличилось. Как воин шестого уровня, он, должно быть, прошел испытания. Возможно, он не очень хорошо знал, что такое тесты. К счастью, он встретил Амона.

Молодой житель Дюка решил помочь ему. В конце концов, его кланы все еще были на горе Хориб, поэтому лучше было поддерживать положительные отношения с Паварой и Хардедефом. Он выглянул в окно и пробормотал: «Как много вы знаете о своей проблеме? Есть ли у вас симптомы?»

Некоторое время Хардедеф подумал и ответил: «Да, есть. Во-первых, чем больше сил я получаю, тем труднее контролировать этот импульс. Более того, кажется, что это принуждение является периодическим: оно достигает максимума в полнолуние. Я пытался помолиться Хонсу, но это не помогло ».

Амон обернулся и сел. Он посмотрел на Хардедефа и сказал: «Все началось с пробуждения обряда. Сила, которую вы пробудили, была не святой силой веры, а силой внутри вашего тела. Напротив, к пробуждению власти пришло желание. Они были похожи на обе стороны монеты. Но вам не удалось удовлетворить ваше желание, потому что сила, которую вы пробудили, была не той, которую вы хотели. Вы отказались принять это. Ваше сердце было одержимо сомнениями и беспокойством, поэтому желание стало вашим внутренним демоном, и вы не смогли его увидеть».

«Это моя гипотеза о причине вашей проблемы. Я не знаю, прав я или нет. Я предполагаю, что когда вы одержимы своими импульсами, ваша сила увеличивается, но после этого вы будете более слабым, чем обычно. Я чувствую, что сейчас вы слабее, чем были сегодня днем. Это не хорошо для вас и для других, чтобы так продолжалось. Вы не знаете, к чему вы клоните».

Тревожный главный охранник не мог встать на колени: «Вы так правы. Даже я сам не мог сказать это так ясно! Иногда я просто чувствую, что все против меня. И моей силы недостаточно, чтобы вырваться и быть свободным. Я только чувствую облегчение, когда я отказываюсь от разума и теряю контроль. Но сегодня я нашел надежду, когда меня ударил молоток. Вы должны решить мою проблему! Пожалуйста, помогите мне!»

Амон поднял его с земли и оттолкнул на сиденье: «Я не уверен, смогу ли я помочь вам. Я не могу быть здесь все время и бить вас каждый раз, когда вы злитесь. Тем не менее, у меня может быть решение. Оно исходит из техники Дюка. Если вы хотите узнать это, вы должны держать его в секрете по причинам, которые вы уже знаете».

Хардедеф кивнул: «Конечно. Я послушаю вас. Я не знаю, как выразить свою благодарность, Амон. Спасибо!»

Указывая на небо через окно, Амон заявил: «Насилие, похоже, зависит от окружающей среды. Поэтому я предлагаю вам встретиться с ним, наблюдая за природой. Посмотрите на ночное небо, пока не найдете мир в своем сердце еще раз. Вы должны иметь веру. Но это может быть не вера определенному богу или богине. Вера - это о себе, о том, чего вы желаете. Вам нужно поставить себя в состояние пустого ума. Когда вы увидите свет в своем уме, вы будете знать, что ищете».

Хардедеф был озадачен: «Значит, мне нужно просто смотреть на звезды?»

Улыбаясь, Амон покачал головой: «Звезды не в небе, они в вашем уме. Вы должны попытаться взглянуть на звездное ночное небо в своем уме и посмотреть на свои истинные чувства. Пусть ваши чувства выйдут, а затем попытайтесь отсортировать их медленно. Обращайтесь с ними,

как с вашими молитвами богам. Не думайте о своей власти, но думайте о себе, своем уме, своих чувствах. Пусть власть естественным образом приспосабливается к ритму вашего сердца, а не наоборот. Тогда у вас будет мир. Я не знаю, сработает ли это для вас, но я предлагаю вам попробовать».

Это был особый способ молиться. Не молиться определенному божеству, а молиться звездному ночному небу в собственном уме. Это было похоже на медитацию в магической практике. Но это было не о волшебной силе. Долгое время охраннику понадобилось понять это. Однако Амон понятия не имел, будет ли это работать. Если бы молодой благородный человек сумел контролировать свой характер, его теория об этой проблеме оказалась бы правильной. По его словам, Хардедеф не прошел полностью первый тест.

Дело главного охранника также было предупреждением Амону, сказав ему, что он должен знать об этой проблеме, когда учат других. Он не сказал Хардедефу о силе двух сторон, и он не сказал ему, что он колдун. Его учения касались только техники Дюка, а не магии или чего-то еще.

Благодарный Хардедеф ушел на рассвете. Амон тоже был удовлетворен. Он был совершенно уверен, что с сегодняшнего дня с Моисеем и другими жителями Дюка не будут плохо обращаться. Хотя они все еще были рабами фараона, это было лучше, чем раньше. По крайней мере, он теперь знал, где были его кланы. Что касается того, как он мог вытащить их из горы Хориб, Амон все еще не знал. Сначала он решил выяснить историю Моисея.

Амон сказал слугам привести Моисея в свою комнату. Молодой человек был пухлым, как ребенок, когда он был еще в Дюке. Теперь он был худой и изможденный, сморщенный от страданий. Моисей поклонился, когда вошел в комнату: «Дорогой инспектор, спасибо, что спасли меня. Вы тоже житель Дюка?»

Амон поднял его: «Моисей, это я! Разве ты не помнишь? В прошлый раз, когда я увидел тебя, это было три года назад. Я Амон!»

Бывший молодой господин долго смотрел на лицо Амона, потом расплакался. Он обнял его и закричал: «Да, ты Амон! Сын пьяницы! Вы так изменились! Я не осмелился признать тебя! Я слышал, что они упоминают ваше имя вчера, но я не верю этому. И снова вы открыли руды молотком! Амон, Дюк ушел! Все ушли! Но ... Как ты здесь и стал инспектором?»

Амон вытер слезы Моисея и спросил его: «Разве ты не знаешь, что я был сослан перед потопом?»

«Что?» Моисей был удивлен: «Как это случилось?» Моисей не был в Дюке, когда мэр Дасти объявил указ и отправил Амона преследовать его. Его отец отправился в Сей-Сити, чтобы узнать иероглифы и другие писания. Затем наступил потоп, разрушивший его родину, и никто не смог рассказать ему о судьбе Амона.

Вздохнув, Амон объяснил: «Я извлек Божью слезу, но клерк лорда Дрика взял ее у меня. Царство собиралось наказать меня за это. Твой отец нашел оправдание, чтобы вытащить меня из города, чтобы люди из столицы не нашли меня. Это долгая история ... Скажи мне: как ты и другие пришли сюда?»

Глаза Моисея снова наполнились слезами. Он сел и сказал Амону о страданиях, с которыми они прошли.

Мэр Дасти поднял Моисея в качестве своего преемника и сумел отправить его в город Сюй,

чтобы научить писать. Как мэр герцога и богатого благородного человека, он был единственным в городе, который смог это сделать. Он даже купил большую усадьбу в Сяй-Сити для своего единственного сына, но он также не знал, что нельзя ему потакать. Моисей жил дисциплинированной жизнью в городе Сяй.

Моисей был на два года старше Амона. Когда ему было шестнадцать, Дасти вернул его в Дюк и устроил для него пробуждающий обряд, чтобы он мог начать изучать технику Дюка. Будучи мэром будущего, Моисей должен был овладеть техникой, хотя на самом деле ему не нужно было извлекать руды для себя. Когда он станет старше и станет магом, ему также нужно было научиться принимать обряд.

Усадьба, которую Дасти купил в Сяй-Сити, не только служила домом Моисея, но и как жилище для герцогов в городе Сяй. В законе королевства предусматривалось, что жители Дюка не должны покидать город без разрешения, но прямо перед потопом Дасти отправил большую группу людей для перевозки урожая сезона в город Сяй и покупки предметов первой необходимости для города. Все они были молодыми и сильными шахтерами.

После того, как они заплатили дань, они остались в поместье Дасти. Поскольку еще было время, они купили много товаров. Но прямо перед тем, как они начали свое возвращение, в лесу древесного угля начался дождь, и маршрут был заблокирован затоплением. Они должны были остаться в городе и, таким образом, стали выжившими из Дюка, такими же, как Амон. Помимо них в поместье было несколько десятков других жителей Дюка, которые заботились о Моисее и резиденции. В поместье их насчитывалось более ста человек.

Под руководством Голье, верховного мага, гражданам Сюя удалось спасти город от наводнения. Город Дюк, с другой стороны, стал болотом, поэтому Моисею и другим шахтерам некуда было пойти. Что еще хуже, в городе циркулировали слухи, что именно жители Дюка обидели богов и вызвали катаклизм.

Туземцы из Дюка стали людьми, которых ненавидели и отвергали боги. Они были наказаны Энлилом за их грехи. Наводнение было благословением для других, но проклятием для Дюка. Сила слухов была разрушительной, и бывшие жители Дюка вскоре стали предметом враждебности со стороны остальных граждан. Было даже несколько раз, когда люди пытались атаковать усадьбу.

У шахтеров было сильное тело, но простой ум. Они не знали, как успокоить сердитых граждан, и единственное, что они могли сделать, это защитить усадьбу своим оружием. Конфликт обострился и последовало кровопролитие. Некоторые из нападавших погибли в столкновениях, но у Шмуля, губернатора Сяй, не было никакого оправдания наказать шахтеров, поскольку они просто защищались. Тем не менее яростные граждане не хотели, чтобы все закончилось так.

Каждый день люди кричали: «Сжечь этих убийц! Во имя богов! »Всегда были люди, пытающиеся проникнуть и напасть на них. Даже Городская гвардия не смогла остановить их.

На Моисея и других жители Дюка нацелились и другими способами. Ни один магазин не продавал им продукты. Когда накопленная пища закончится, они вряд ли могли жить дальше. Кроме того, Голье не было в Сюе, поскольку он вернулся в столицу и отрицал себя перед посетителями.

К счастью, высший маг, казалось, сжалился над жителями Дюка. Он сказал Уорре, его ученику и действующему первосвященнику, присматривать за ними. Прямо перед тем, как ситуация дошла до самого худшего, Варрет посетил усадьбу с городской гвардией и побеседовал с

Моисеем. Он сказал молодому хозяину, что им нельзя больше оставаться в городе, и спросил его, есть ли место, куда они хотели бы отправиться.

Шахтеры не знали о внешнем мире, и не более того Моисей, который только недавно достиг совершеннолетия. Маловероятно было найти убежище в Хетте, и единственное имя, которое ему пришло в голову, было лорд Дрик. Губернатор Мыса, похоже, был в хорошем партнерстве с его отцом ... Чужеземная империя, казалось, была их единственной надеждой.

http://tl.rulate.ru/book/2659/187340